

**Избранные тексты из каталога, подготовленного к открытию выставки Евгения Антуфьева в
Коллекции Maramotti. Февраль, 2013**

Евгений Антуфьев: Мама, привет. Как у вас дела¹? Как бабушка?

Надежда Антуфьева: Все хорошо. Я собрала тебе ее волосы после стрижки, как ты и просил. И у нас новости: бабушка нарисовала пятнадцатую картину, название «Лисята»². Я считаю, она придумала новый жанр – автобиографический комикс. Бабушка, кстати, спрашивает, не хочешь ли ты использовать ее рисунки в своей выставке?

Евгений Антуфьев: Ну, документальные комиксы существуют, это не новость. А насчет выставки пока не знаю. Ты попросила ее нарисовать дельфина?

Надежда Антуфьева: Да, но она говорит, что с дельфинами в ее жизни ничего не связано, поэтому ей нечего нарисовать.

Евгений Антуфьев: Но в Мурманске же есть дельфинарий, разве мы с ней в детстве не ходили туда?

Надежда Антуфьева: Вы, маленькими, вместе со мной в дельфинарий ходили. А бабушка говорит, что никогда там не бывала. Но в комнате отдыха в больнице, где она сейчас лежит, есть фонтанчик с маленьким дельфином!

Евгений Антуфьев: Сфотографируй его для меня. Возможно, включу эту фотографию в каталог. Дельфины сейчас повсюду. Я долго думал, вводить ли мне их в выставку, были сомнения, и с этими мыслями спускался в метро. Спускался на эскалаторе, и навстречу мне выплыл огромный рекламный щит с улыбающимся дельфином. Причем, это не было рекламой, просто управляющая компания заполнила пустующие стенды по всему московскому метро фотографиями дельфинов. Все сомнения, конечно, отпали.

Я хотел спросить можно ли использовать статью о метеорите Чинге, которую Надя написала для твоей газеты³?

Надежда Антуфьева: Конечно, используй. Знаю, что ты хотел поговорить со мной для каталога. Мне кажется интересной твоя идея заполнить его самыми разными фактами и текстами. Мне это напоминает лабиринт, и у меня тоже появилась идея: а что если оглавление оформить в виде лабиринта, причем, лабиринта – без выхода?

Евгений Антуфьев: Этот разговор – для каталога, все записываю на диктофон. А про оглавление идея интересная.

Меня, всегда раздражала твоя привычка превращать любую книгу в лабиринт. Ты часто начинаешь читать книгу и сразу переходишь в конец, только потом читаешь середину. Никогда не мог понять, зачем ты это делаешь? Автор уже наметил путь (а книжная хронология – это все равно только иллюзия прямой временной последовательности тысячелетия могут пролететь за одно предложение), следовать по этой дороге – задача читателя. Все роли распределены!

Надежда Антуфьева: Далеко не всегда так читаю. Но такой способ чтения он дает ощущение власти над реальностью, над временем и судьбами. Бездумное линейное путешествие по тексту иногда раздражает.

Евгений Антуфьев: Эта твоя практика мне немного напоминает технику нарезок Берроуза и Брайна Гайсина, хотя, конечно, это сравнение сомнительное. Они создавали свои произведения путем нарезки и переплетения различных текстов. Иногда в их текстах мозг пытается построить связи между предложениями и проваливается в гулкую пустоту, это довольно сладкое ощущение. Хаос,

¹ На момент разговора по телефону Евгений находился в Москве, а Надежда – в Мурманске.

² После перенесенного второго инсульта бабушка художника Бигаева Антонина Васильевна начала карандашами и фломастерами серию автобиографических рисунков.

³ Надежда Антуфьева главный редактор газеты «Центр Азии» – centerasia.ru

маскирующей под привычные структуры.

Надежда Антуфьева: Я про эти техники не знала, оказывается, что все это в русле какой-то традиции. Всегда считала это тренировкой для ума, способом проложить в тексте свои собственные пути, создать обратную хронологию. Машина времени. Время назад! Как видео, запущенное в обратную сторону.

Евгений Антуфьев: Как в кино: мертвые оживают, а разбитое вновь обретает целостность. Недавно встретил в одной статье прекрасное описание посмертных странствий души у кетов⁴. Когда после смерти запускаются подобные механизмы. Всегда верил в такие вещи в детстве, везде оставлял свои волосы, так как считал, что смогу после смерти появляться в местах, отмеченных таким образом.

Кстати, когда в детстве ты возила меня в Италию, немало волос я спрятал там: в гостиницах и парках. Всегда занимали посмертные верования и похоронные обряды, возможность продлить свое существование в другой форме.

Надежда Антуфьева: Мы много обсуждали эту тему. Помнишь, как нашли информацию о технологии превращения человеческого праха в искусственные бриллианты и загорелись этой идеей. Нашли подобные технологии в Америке и у нас в Сибири – в Новосибирске.

Евгений Антуфьев: Это было, как откровение! Больше никакого тления и черной земли. Только вечное сияние минералов.

Надежда Антуфьева: Помнишь, как к нам в город привозили выставку буддийских драгоценностей? Кристаллы, найденные после кремации духовных учителей. Мы еще отстояли огромную очередь. Огонь уничтожил их смертное тело, оставив только небольшие кристаллы. Точно так же и смерть поглощает нас, оставив только нематериальное. Мне нравится идея превратиться в кристалл, могилы я бы точно не хотела. Я – за кремацию: часть праха развеять в прекрасных местах, а из небольшой части можно сделать бриллиант. Ужасно тоскливо на кладбищах, есть в этом что-то бессмысленное: наивное желание остаться в мире живых при помощи тленных памятников и оградок.

Евгений Антуфьев: Особенно эта жуткая земля на кладбище в нашем Кызыле, полная камней, камней больше, чем земли. Мне пугает даже не сама смерть, а вот этот звук камней, их удары друг о друга. Не хочу его больше слышать. Бабушка⁵ всегда с ужасом говорила об этой земле, говорила, что это ненормально – лежать в камнях, и все-таки очутилась там.

Надежда Антуфьева: В Туве раньше не было кладбищ, мертвых оставляли просто в степи, а шаманов – на специальных помостах. Аналог небесное погребения в Тибете. А до этого скифских царей хоронили в курганах. Все так быстро меняется. Быстро, даже если требуется тысячи лет.

Не верю в кладбища и монументы, сколько уже я их видела: заброшенных, со стершимися табличками, где не разобрать имен и дат. Верю в бессмертие в памяти. Пусть это и не оригинальная мысль, но человек вполне может жить в памяти.

Евгений Антуфьев: Меня всегда удивляла твоя вера в слова и память. Я всегда верил в вещи, гробницы и памятники. Как раз текст мне кажется слишком бесформенной структурой, потому что текст, слова – это только иллюзия общения, понимания, памяти.

Меня всегда удивляла твое абсолютное равнодушие к предметам, иногда мне кажется, что они тебе вообще не нужны. Зато книги у нас дома на полках стоят, кажется, все, что завозили в магазины

⁴ «Семилетнее блуждание ул'вэј вспять времени и пространства имело целью собрать случайно или по небрежности оставленные в разных местах волосы, ногти (т. е. Элементы «жизненной активности» — растущие, меняющие форму; мифологические факты здесь непосредственно корреспондируют с семантически подобранными фактами языкового сознания). Условие возрождения (превращения) служила сама идея восстановления целостности, в данном случае — через обретение тех же утраченных элементов «жизненной активности». Вычесанные волосы, состриженные ногти полагалось в течение всей жизни собирать и оставлять в ровдужном мешочке, прикрепленном к растущему молодому дереву (обычно кедру). Слону (обычай плевать в сторону улетающей на зиму стаи водоплавающих) перезимовавшие в благодатной стране Томам птицы весной должны были принести назад.»

Е.А. Алексеенко «Жизнь и смерть в представлении народов бассейна Енисея» сборник: «Мифология смерти: структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири; Этнографические очерки»

⁵ Антуфьева Александра Александровна

нашего города. Возможно, это потому, что твоя работа связана с текстом.

Сознание у тебя, конечно, гораздо более продвинутое, а мне нужно было бы жить в древнем Египте, где строению гробниц уделяли гораздо большее внимание, чем строению дворцов. В какие чудесные интриги я бы пускался, чтобы захватить место рядом с гробницей фараона! Продумывал бы мельчайшие детали мозаики украшавшей колонны, экспедиции бы посылал за редчайшей костью и драгоценными камнями.

Надежда Антуфьева: А потом ветер пустыни стер бы все это в пыль.

Евгений Антуфьев: У меня есть твердое убеждение, что даже уничтоженная вещь продолжает существовать, какой-то ее отпечаток. Во всяком случае, если вещь сделана по верной формуле.

Кстати про виды бессмертия. Многие знакомые удивляются, что у меня – папино имя, а у сестры – твое. Но мне как раз кажется это логичным, логичная иллюстрация идеи бессмертия в детях. Если дети – это стрелы, выпущенные в будущее, значит, нужно наделить их своими качествами, дать им свои имена. Я знаю, как назову своего ребенка.

Надежда Антуфьева: В какой-то степени это – родительский эгоизм: зацепится за вечность через ребенка.

Мы долго искали имена по словарю имен. Долго обсуждали, но потом дали вам свои имена. Дети – это, скорее, средство возвращения к собственной молодости, многие вещи переживаешь заново. Но все же это абстрактное бессмертие: гены размываются, и уже через несколько поколений ничего от твоей крови не остается. И оно слишком наивное, слишком телесное. Странно думать, что если в тебе нет огня, то его получают за тебя твои дети. Нужно сначала попытаться зажечь его в себе.

Кто помнит о прадедушках и прабабушках? А вечность гораздо длиннее нескольких поколений. Она настолько огромная, что это пугает. В школе я просыпалась ночью от страха, что проживу жизнь, а человечество обо мне так и не узнает. Исчезну, а вечность останется без малейшего моего следа.

Евгений Антуфьев: «Не мертво то, что в вечности пребудет, со смертью вечности и смерть умрет»⁶. Страх, как у Льва Толстого, он же тоже не мог заснуть в ужасе перед этой пустотой.

Надежда Антуфьева: Толстой себя запечатлел благодаря этому. Чем раньше страх приходит, тем лучше. Движение – это жизнь. Бессмертие – в действии. Тот же Толстой обрел в текстах бессмертие. Ты же был недавно в Ясной Поляне⁷.

Евгений Антуфьев: Мне очень понравилось. Там спокойно, а могила – это просто холм в лесу рядом с усадьбой, светит солнце, яблони. Там, кажется, что все эти деревья проросли корнями из его тела. Тот редкий случай, когда поглощение тела природой не вызывает ужаса. Я бы хотел стать деревом. Мне как раз кажется, что бессмертие – в неподвижности, а не в движении, у нас с тобой очень разные подходы. Мне ближе позиция отца⁸, который не любил путешествовать, никогда этого не делал.

Надежда Антуфьева: Да он говорил: «Зачем куда-то ехать, там ничего нового. Я все это могу себе представить». Вот этого до сих пор не понимаю. Я бы хотела стать не деревом, а птицей, а лучше чистым светом, энергией.

Евгений Антуфьев: Однажды мы выясним, кто из нас прав. Но мы уже долго разговариваем. Пойду заниматься выставкой.

Надежда Антуфьева: То, что ты мне о ней рассказывал больше похоже не на выставку, а на проектирование собственной гробницы.

Евгений Антуфьев: Именно так! С мраморным ножом в одной руке и чашей наполненной слизью в другой, в маске из белого дерева тело мое будет покоиться в саркофаге из костей и кристаллов, охраняемое двенадцатью специально обученными дельфинами.

⁶ Абдул Альхазред – мифический герой Говарда Лавкрафта

⁷ Усадьба Льва Толстого.

⁸ Антуфьев Евгений Владимирович – поэт и писатель.

Женя, я закончила текст, про дельфинарий. Вот он, Если нужно что-то поправить напиши мне. Правда, не думаю, что он тебе подойдет.

Я запомнила этот день хорошо. Во многом из-за температуры, был мороз -21 градус. Мы шли к дельфинарию по ВДНХ в ледяной черноте открытого космоса самого короткого дня в году. Вокруг нас были мраморные дворцы этого странного места. Ветер бил навстречу, обжигая своим ледяным прикосновением. Даже ботокс замерзал на лице. Когда долго находишься на морозе, он начинает проступать пятнами. Ты тоже собирался его вколоть, и заморозить лицо, жалко что потерял кошелек с деньгами и мы не смогли пойти в клинику вместе.

И сильный ветер был таким же злым, холодным и одиноким, как мы. Мы с тобой так похожи, что вдвоем нам одиноко вдвойне. Все страхи и комплексы умножаются на два. Перед входом в дельфинарий торжественно лежал на пьедестале огромный пластмассовый дельфин в сверкающих кристаллах инея, они жадно вбирали свет фонарей, выпуская его обратно с удвоенной силой. Я попробовала сфотографировать дельфина на телефон и пальцы сразу же заболели от мороза.

Купол дельфинария был похож на раковину моллюска, на космическую станцию плывущую в пустоте. Внутри было влажно и пахло солью. От воды шел пар. А служители наряженные матросами были лживо приветливыми. Но даже эта лживость была лучше чем ледяной ветер снаружи.

В тот день мы смогли почувствовать все состояния воды: жидкость, лед, пар. А сами дельфины казались выточенными из мрамора. Они выглядели такими цельными, что внутри у них не могло быть крови, кишок и костей. Ты задумывался почему мрамор так привлекателен? Он похож на обескровленное в тонких прожилках тело. В мраморе есть что-то влекущее, мертвенное. Все это есть и в дельфинах.

Играла идиотская поп-музыка, толстая дрессировщица выкрикивала заученный текст, но все это было неважно. Над водой поднимался пар, там за куполом лежал снег, лед и чернота ночи. И во всей вселенной тоже самое. Рядом сидели люди на скамейках. Но и они были только водой. Стоит ли обольщаться, сегодня ты человек, а завтра пар поднимающейся под куполом дельфинария, где жирная женщина заставляет стремительного дельфина прыгать через обруч.

Раньше я тебя отговаривала от ботокса и глиурона, но теперь все изменилось. Если ты еще хочешь вколоть ботокс, Женя, то вколи. Раз ботокс уже есть во вселенной, то все равно, в какой из её частей он находится.

Анжела Боскис
20 декабря 2012 года

Иноголовые **Совиная голова**

На острове Ярма-Херве, как рассказывают обитатели тамошнего монастыря, в дохристианские времена находился естественный лабиринт, состоящий из плотно сомкнувшихся окаменевших деревьях. Там, в дупле каменного дуба, жила женщина с головой совы. Тело ее было стройным и красивым, одежды она не носила. Один из мужчин Ярма-Херве стал ее любовником, она родила ему сына, на вид обычного мальчика, однако питался он только яйцами и не умел говорить. Затем любовник и сын Совиной Головы состарились и умерли, сама же она не старела. Когда на остров прибыли христианские миссионеры, женщина с головой совы исчезла. На этом месте до сих пор показывают корни дуба, которые превратились в камень. На одном из корней вырезан одним монахом крест и надпись «Где бог, там и правда».

Мурзила

Северные татары рассказывают, что существовал человек богатырского телосложения, но с головой цыпленка. Один хан очень любил его и велел построить для него дворец. Во дворец люди не допускались, даже сам хан никогда не заходил внутрь. Внутри, говорят, было множество коридоров, переходов, комнат, и все очень запутанно.

Мурзила прожил там всего два года, а потом умер. Дворец вскоре сгорел, и только недавно одна научная экспедиция откопала фундамент здания, напоминающего о том дворце. На одной из уцелевших стен имеется изображение богатыря с цыплячьей головой, сжимающей в руке человеческий череп. Стиль изображения напоминает помпейские мозаики.

Уильямс

Уильямс – монстр с головой щенка, названный в честь английского писателя и публициста Эдварда Генри Уильямса, который впервые обнаружил изображение этого монстра на оборотной стороне так называемого Цетиньского кодекса. Э. Г. Уильямс посвятил этому изображению свою известную повесть «Unwanted Child» (1860). В повести описан лабиринт, сделанный из соли, который монстр с головой щенка постепенно сводит на нет с помощью своего шершавого языка.

Цетиньский кодекс сгорел во время пожара в Историческом музее Гренобля в 1871 году.

Свефе

Свефе – существо с телом женщины и головой крокодила (ее еще называют Кулайар), обитала по преданию, распространенному в районе Руйонг, в лабиринте, расположенном на дне реки Нинх. Древние обитатели берегов Нинх относились к Свефе с почтением – ей приносили жертвы, том числе и человеческие. В те времена считали, что души многих людей и животных после смерти должны будут пройти через лабиринт Свефе. Позднее (уже период китайского влияния) это лабиринт изображался в виде последней гектограммы И-Цзин – «Еще не конец». До сих пор в одном месте на реке Нинх деревенские жители показывают видимые сквозь воду длинные каменные выступы, напоминающие эту гектограмму.

Вытонь

В Карпатах рассказывают о существе с телом человека и с головой то ли паука, то ли бобра, то ли свиньи. Говорят, он жил в горах в XVIII века, при императоре Йозефе II. Говорят так же, что он пережевывал землю и выплевывал ее в виде липкого и застывающего на ветру вещества, из которого он вылепил сложный лабиринт, издали напоминающий человеческий желудок. Слово «вытинь» в тех местах обозначает «выкидыш». Некоторые варианты легенды говорят, что Вытонь заманивает в свой лабиринт беременных женщин, позванивая в волшебный колокольчик. Там он высасывает из них плод, а самих беременных женщин отпускает, и они становятся повивальными бабками.

До сих пор в окрестностях Мукачево сохраняется древняя стена, имеющая S-образную форму. Крестьяне показывают на нее издали, но не приближаются к ней, говоря, что это остатки лабиринта Вытоня. «А самого Вытоня давным-давно нет», - приговаривают крестьяне.

Глен из Туннеля (Туннельный Глен)

Рабочие, строившие туннели в южной Шотландии, рассказывали о существе с головой то ли крота, то ли крысы. Бытовала легенда, что это создание раньше было челоком, одним из рабочих, рывших туннели. Глен преобразился монстра момент, когда его лопата наткнулась на некий «черный камень». С тех пор Туннельный Глен не выходил из-под земли. Говорят, он очень быстро и бесшумно бегал вдоль туннелей и рыл собственные, ложные туннели, которые считались источником большой опасности. Полагают, что Глен умер, и рабочие тайно похоронили его память о том времени, когда он был одним из них. В одном из туннелей показывают в сете ручного фонарика квадратную плиту с надписью «I will be not anymore».

Плейя

На острове Сорм сохранились рассказы о девочке по имени Плейя. Она никогда не носила одежды, на правой ладони у нее была сложная родинка в форме лабиринта, голова ее источала столь сильное, ослепительное белое сияние, что никто никогда не узнал, каким было ее лицо.

Павел Пепперштейн

Письмо от 26 декабря:

Женя, Привет! Наконец закончил текст и высылаю свои размышления о теле и немного о материале.

В работе с материалом я, кажется, противопоставляю его себе, как укротитель в цирке. Я спрашиваю: «Кому ты служишь?», он отвечает: «Ивану Горшкову».

Незащищенное прикосновение часто грозит травмой, но серьезных никогда не было. Иногда обжигаюсь при работе с металлом. С деревом, в последнее время, работал бензопилой - а тут либо без травм, либо сразу в больницу.

В детстве на меня произвел впечатление диалог из фильма «Терминатор-2»:

- Ты чувствуешь боль?

- Я ощущаю ущерб.

Мне тоже хотелось воспринимать боль и дискомфорт исключительно как сигналы о состоянии здоровья. Мое отношение к телу было как к инструменту, и само оно относилось исключительно к категории внешности. Но произошла одна история, которая заставила меня пересмотреть многие вещи.

Я еще учился в школе, когда у меня в руке взорвалась самодельная петарда (очень большая) и я лишился нескольких фаланг. У меня тогда появилась видеокамера, и я собирался снимать фильм со спецэффектами. Наделал банку самодельного пороха, и немного промахнулся в технологии — она взорвалась у меня в руках. Я был очень рад что остался живой, в общем легко отделался и не жалел, что это случилось. Не жалел, потому что этот случай преподал мне пару уроков. И кажется, решило некоторые личностные проблемы.

Сейчас кажется, что этот взрыв будто подкорректировал ход моей жизни, подправив тело. Эта история чем-то напоминает историю с Дорианом Греем. Только наоборот – внутренние качества изменились от внешних. Будто бы, подростковые комплексы и страхи находились в нескольких пальцах, и стоило их лишиться, как все стало проще. Когда у тебя появляется нечто похожее на пару укусов крокодила, то ты начинаешь напоминать себе нечто вроде Капитана Крюка.

Тут есть еще один интересный, и даже мистический момент. Почти такая же история произошла и с моим дедушкой. Его тоже зовут Иван, ему оторвало почти те же пальцы на той же руке, в том же возрасте. Он тогда решил разобрать найденный после войны взрыв-пакет. Как бы там ни было, но все это подталкивает к мысли о закономерности происшествий со мной.

Иван Горшков⁹

⁹ Молодой русский художник, представитель «Новой воронежской волны». Обычно работает с деревом, бетоном и железом.

Арсений Жилиев: Мы следим друг за другом с самого начала карьеры, и знаем работы друг друга, о которых больше никто не знает – незаконченные, уничтоженные и потерянные.

Мне всегда был интересен твой творческий метод. Как ты работаешь? Пытаюсь реконструировать его для себя и получается такой маниакальный подход. Ты берешь какое-то ощущение, символ, какой-то цвет или образ и фиксируешься на нем, наполняешь содержанием. Например, у тебя была выставка, где ты обращался к пластике русской деревни, традиционным вышивкам и орнаментам. Для последней выставки в русской галерее Риджина это был розовый цвет и мультфильмы. Сейчас – дельфин и компания.

Евгений Антуфьев: Ты все совершенно верно описал. Все начинается с какой-то мелочи. А потом выясняется, что она часть чего-то большего.

Это, как тело Осириса, которое рассекли на куски, и Исиде пришлось странствовать, чтобы найти все части и оживить его. В данном случае кровь его застыла мрамором, ресницы проросли деревом, зубы – острыми ножами, череп – чашей, а слезы стали дельфинами.

Зрителю предлагаю пройти тем же самым путем, вот только он в гораздо более неудобном положении, так как лишен карты. А зрители сейчас разучились двигаться в темноте, а не по скоростному шоссе «Главной идеи выставки». Но все, что можно охватить одним названием, одним приемом, – нестерпимо скучно.

Иногда меня просят объяснить выставку, и в последнее время я теряюсь. Где взять слова, чтобы описать пустырь за городом, полный выброшенных стекол, которые сверкают на солнце? Зиму в Туве, когда птицы падают с веток от мороза? Мраморный куб во дворе санатория, куда мы с мамой часто ездим? Лиловые волосы бабушки? Чувство, когда острый нож рассекает сухожилия?

Арсений Жилиев: Понимаю о чем ты говоришь. Но ведь не все в твоих выставках построено только на собственных воспоминаниях и ощущениях. Еще есть более общий формальный ассоциативный ряд, и в нем тоже разобраться не так уж просто. Какая связь между дельфином, кристаллом и метеоритом? Тоже какие-то воспоминания?

Евгений Антуфьев: В принципе, подойдет любая связь, которую сможет протянуть между этими символами зритель. Объяснений очень много, и все они верные. Например, дельфины общаются с помощью ультразвука, с помощью невесомых песен, которые не в состоянии уловить человеческое ухо. Кристаллы же – идеально воспринимают самые тончайшие звуки, даже используются в технологии для этого. И звук сталкивающихся кристаллов – он же тоже похож на песни дельфинов.

Дельфин и метеорит одинаково рассекают пространство, дельфин – морское, а метеорит – космическое, форма дельфина даже больше приспособлена для космоса. И они связаны через СССР. У нас была потрясающая космическая программа, в которую были вложены колоссальные усилия, колоссальная психическая энергия. И в СССР был не менее утопический проект, на Черном море была база дельфинов-диверсантов¹⁰. Совершенно, на первый взгляд, невозможный проект, который тем не менее существовал. И он появился именно из искривленного психического пространства нашей страны.

Арсений Жилиев: Советские дельфины-диверсанты – звучит неплохо. Эта история выглядит для меня, как солнечное, в морских брызгах, полотно социалистического живописца, который изобразил будущее, где освобожденные от антропоцентризма животные на равных с людьми ведут борьбу за построение коммунизма. Ты, кстати, слышал о «Черном дельфине»?

Евгений Антуфьев: Звучит как название санатория или гостиницы. Что это?

¹⁰ Проект был запущен в 1965 году в Севастополе. Подготовленные дельфины могли находить оружие и технику на дне моря. Они были способны атаковать аквалангистов и флот противника при помощи закреплённой на теле взрывчатки. Однако после развала Советского Союза обучение дельфинов было прекращено. Более того, в 2000 году украинские власти продали в Иран всех обученных дельфинов.

Арсений Жилиев: Это название одной из самых страшных тюрем в России. В ней сидят в основном пожизненно за особо тяжкие преступления. Людоеды, маньяки, террористы. Больше пары-тройки лет человек в ней не выдерживает. Ею обычно пугают особо активных анти-путинских политических активистов. А название по легенде тюрьма получила после того, как заключенные подарили главе колонии рукодельного черного дельфина. Начальник тюрьмы установил его при въезде на территорию и с тех пор это место называется «Черный дельфин».

Но вернемся к твоему методу. Я знаю, что многие зрители реагируют на твои произведения, как на нечто неожиданное, даже порой экзотичное, и вот часть концептуальной, формальной проработки, связывающее тебя с европейской концептуальной традицией, уходит в тень. Расскажи, кем ты вдохновлялся или вдохновляешься из художников?

Евгений Антуфьев: Это сложный вопрос. Недавно думал над ним и понял, что совершенно не вдохновляет актуальное современное искусство, оно в последнее время стало чересчур очевидным. Способы экспонирования часто заменяют содержание.

Себя связываю, конечно, с русской традицией. Народные куклы, вышивки, резьба, архитектура. И с удивлением понял, что мои учителя – это художники русского авангарда, причем, даже в материале – их опыты с узорами на ткани и вышивками.

Мне очень симпатичны художники ар-брюта. С их лихорадочностью и неумением останавливаться. Их желание возводить дворцы и алтари. Например самый известный дворец почтальона Шеваль¹¹. Даже пластически это восхитительная вещь.

Хотя, конечно, у художников ар-брюта искусство слишком механическое. Они никогда не меняют приема, зато, найдя один, доводят его до совершенства!

Арсений Жилиев: Я бы добавил в этот ряд, но весьма отдаленно, Йозефа Бойса и художников итальянского арте-повера. Ну, может, кого-то из людей, работающих с нарративом и документальной инсталляцией. С оговоркой, что в твоём случае скупая аскеза документа будто бы проходит сквозь калейдоскоп и распадается на разноцветные фрагменты. Потом, как мне кажется, важно упомянуть современные социальные сети. Следы их визуальности, которая, по мнению Гройса, сама во многом обязана концептуальной и постконцептуальной эстетической редукции, часто считается в твоём коллажном мышлении.

Евгений Антуфьев: О нет, только не это! Только не новые медиа, и новая визуальность. Невозможно про это слушать и говорить уже.

Арсений Жилиев: Тогда расскажи о названии. Одна его часть – «Исследование материала» – мне знакома хорошо. Ты постоянно используешь его в своих текстах. Честно говоря, когда первый раз встретил его на твоей дебютной выставке, удивился. Но ты постоянно обращался к этой теме, даже в своих документальных проектах. На последней выставке ты вынес это словосочетание в название.

Сейчас я не могу представить иной вариант. Вижу планомерную художественную работу, которую нельзя охватить одним высказыванием, одной выставкой. Расскажи, что ты вкладываешь в словосочетание «исследование материала».

Евгений Антуфьев: Исследование материала – это пластические ценности, очень старая тема в искусстве. И тут работаю вполне в русле традиции.

Все мои выставки так или иначе пересекаются. Искусство, как вода, её можно бесконечно переливать в разные формы, сама субстанция останется прежней. Открывать новые способы этих трансформаций – одно из самых главных удовольствий в моей жизни.

¹¹ Фердинан Шеваль – создатель самого впечатляющего памятника наивной архитектуры: Идеального дворца почтальона Шеваль. С 13 лет работал помощником пекаря, в 1867 году получил должность сельского почтальона. Разнося почту, он ежедневно проделывал путь в 25 км, складывая в тачку камни необычной природной формы. Из них в течение 33 лет, в одиночку, в свободное от работы время, днем и ночью, в любую погоду, при помощи самых незатейливых инструментов он воплощал в жизнь свою мечту – превосходящий всякое воображение дворец. Закончив этот титанический труд, он написал над входом: «Plus opiniâtre que moi se mettre à l'oeuvre».

Арсений Жилияев: Недавно делал манекен для своей выставки в Третьяковской галерее. Провел за этим занятием ночь. Ничего не вышло, пришлось просить помощи друзей – профессиональных скульпторов, но я почувствовал необычайную эйфорию и понял, что такие художники, как ты, которые работают с материалом, наверное, постоянно в ней находятся.

Евгений Антуфьев: Да, я очень рад, что ты это почувствовал. Соединение с материей – это лучше, чем многие телесные наслаждения, лучше чем еда, секс, алкоголь, стимуляторы. Возможно, героин лучше (о нем неплохо отзываются), но его я не пробовал.

Арсений Жилияев: Знаешь, мне как-то в детстве приснился очень странный сон. Мне снилось слово. Я не помню, что это было за слово. Просто слово, и все. Это был один из самых мучительных и невыносимых снов в моей жизни. Мне казалось, что он длился вечность. И всю эту вечность я буквально телесно ощущал слово. Не могу это точно описать, но ощущение были именно телесные, то есть относящиеся скорее к пластике слова.

Евгений Антуфьев: Пару лет назад у меня был странный сон. Я был в команде каких-то людей, и мы должны были выложить своими телами на радужной пленке слово. И слово это должно было быть чем-то вроде тетраграмматона, оно должно было обладать силой, чтобы прорвать эту пленку. И нужно было действовать быстро: были и другие команды. И мы выбрали слово «Левитан»¹². И оно гремело в голове, как колокол. В нем была истина.

Арсений Жилияев: Смешно. Обязательно включи это в диалог. Правда, думаю, иностранцам будет непонятно, почему это смешно. И как объяснить – непонятно.

Мне кажется, с искусством та же проблема. Ты думаешь, для иностранного взгляда твои пластические решения будут понятны? Ведь мы формировались в совершенно разных контекстах, которые чрезвычайно важны при восприятии работ. Например, ты используешь краску, которой красят подъезды, она ассоциируется у нас с мрачной повседневностью и умиранием. Или вдохновляешься деревянными скульптурами из советских детских площадок во дворах многоэтажек.

Евгений Антуфьев: Меня это почему-то не пугает. Верю, что искусство – универсальный язык, да, он сложный, но тем интереснее его расшифровывать.

Арсений Жилияев: Я не думаю, что искусство может быть универсальным невербальным языком. Мне кажется, претензии такого рода сегодня очень утопичны.

Но я не исключаю возможности преодоления искусством своего контекста.

Это вписано в искусство именно потому, что оно является языком. Но очевидно, что каждый новый перевод, каждое новое реинсталлирование тех же самых работ в новом контексте, рождает «новое» или, как минимум, нечто несводимое к «старому».

¹² Исаак Левитан (1860 – 1900 год) – русский художник, мастер «пейзажа настроения».

В прошлом году российский журнал об искусстве «Арт-Хроника» подвел итоги года чередой рейтингов «самых влиятельных людей», «самых сексуальных деятелей арт-сцены», «самых злобных критиков» и т. д.

Имя Евгения Антуфьева фигурировало в тройке «самых обидчивых художников». В этом достославном виде социального спорта Евгений завоевал серебро¹³, что можно объяснить только предвзятостью судейства. На самом деле, Антуфьев – самый обидчивый художник в России, и этот факт не является тайной, а наоборот, выставляется им напоказ, навязчиво подчеркивается, превращаясь в часть художественной стратегии, которую, впрочем, в его случае крайне трудно отделить от жизненной.

Вот пример. Для того, чтобы посмотреть выставку Антуфьева «Исследование материала: поглощение» (2012) в галерее «Риджина», зрителям приходилось надевать на ноги больничные бахилы, а на головы – яркие колпаки. Сотрудникам галереи строго-настрого запретили пускать дальше ресепшена тех, кто отказался играть по правилам художника. Каким-то чудом мне удалось отбиться от колпака (но не от бахил). Узнав об этом, Евгений устроил выволочку галерейным работникам, столь жесткую, что одной из сотрудниц пришлось уволиться. Интересно, что виновник происшествия (я) отделался легко – Антуфьев любит при случае напомнить о том, что до сих пор обижается за нарушение установленного им распорядка, но ведет себя в целом дружелюбно.

Почему художник выдвигает такие требования? И почему я их не выполнил? Есть одна версия, но перед тем, как ее изложить, углубимся в историю. (Начинается одно из тех рассуждений, которые обижают всех художников без исключения: помещение в контекст, сравнение, упорядочивание. Художник чувствует себя бабочкой в коллекции энтомолога. Даже хуже: художник хочет, чтобы зритель принял его без остатка, таким, как есть, не нуждаясь в сравнениях, то есть – полюбил).

Евгений относится к числу художников-коллекционеров. Это линия, идущая от натюрмортов-обманок Якобо ди Барбары и ученика Рембрандта Самюэля ван Хогстратена. К наиболее ярким образцам такого художественного поведения относится картина из американского живописного канона – автопортрет Чарльза Вильямса Пила в созданном им музее естественной истории, первом в США (Антуфьев тоже строит музей, но личной истории; впрочем, об этом позже). Среди современных авторов, аранжирующих найденный материал в индивидуальном порядке, выделяются швейцарцы Томас Хиршхорн и Кароль Бове.

Как и они, Антуфьев собирает вещи, дополняя их объектами, сделанными собственноручно. Хиршхорн и Бове аккумулируют материал личных obsessions для конструирования комментариев о внешнем мире и общественной ситуации (мире масс-медиа в случае первого и балансе сексуальности и духовности у второй). У Евгения – другая стратегия. Залежи китча и товары с блошиных рынков становятся элементами повествования от лица лирического героя, законченного индивидуалиста.

Инсталляции Антуфьева по композиционному принципу напоминают тайные комнаты сексуальных маньяков. Недаром здесь следует надевать бахилы: если бы какие-либо из объектов можно было трогать, художник заставил бы зрителей расхаживать в резиновых перчатках. Зритель оказывается на месте детектива, складывающего улики в некоторую систему для того, чтобы нарисовать психологический портрет подозреваемого. Интересно, что один из важнейших элементов персональной мифологии Антуфьева – это маска. Маска, конечно же, часть стереотипного образа убийцы (в фильмах «Пятница, 13», «Молчание ягнят», «Техасская резня бензопилой» и так далее). Часто маски делаются из кожи жертв, чтобы скрыть непривлекательную, с точки зрения маньяка, внешность, то есть, являются последствиями острой дисморфомании.

Перед сыщиками всегда стоит нелегкий выбор. С одной стороны, они должны мыслить, как преступник, чтобы его поймать. С другой, компромисс и игра по правилам маньяка невозможны, иначе он решит, что всемогущ. Наконец, отказ играть по установленным преступником правилам

¹³ Первое место занял художник Арсений Жилиев.

может привести к человеческим жертвам. Собственно, несерьезная, искусственная версия такого конфликта и разыгралась на выставке в «Риджине»: приверженец «уликовой парадигмы», по Карло Гинзбургу, отказывается выполнять условия преследуемого. Одному из заложников-сотрудников пришлось расстаться с местом. Стоила ли игра свеч? Безусловно. Нарушение сценария стало частью выставки и проверкой автора на серьезность его намерений.

Валентин Дьяконов

Евгений Антуфьев: Кирилл¹⁴, привет. Ты обещал поговорить со мной об искусственной змеиной коже.

Кирилл Кто: Да конечно, но я знаю и про настоящую. В детстве следил, как кожа сходит со змей, у меня было три ужа и они регулярно сбрасывали кожу. Еще видел, как линяет стрекоза, точнее как она вылупляется из стрекозиной личинки. Она сидела в банке, а потом разорвала собственную кожу и вылезла из нее. От прежней стрекозы осталась только кожа. Эту кожу я хранил какое-то время. У меня была коллекция с разными странными вещами. Потом там завелись маленькие жуки и все съели.

Евгений Антуфьев: Мне нравится эта история, потому что она подтверждает мои собственные мысли о тленности и энтропии. Это идеально накладывается на мой собственный опыт. У меня в мастерской сейчас живет змея, и она тоже часто линяет. Первые признаки - ее глаза становятся молочно-белыми, как лед или мрамор. И она неделю пребывает в странной неподвижности, не ест, очень мало двигается. Иногда у нас совпадают эти циклы, и я тоже бесконечно сплю, а когда просыпаюсь - не могу ничего делать, только наблюдаю за ней целыми часами.

Кожу, которую она сбрасывает, собираю в отдельную коробку. Думаю использовать в выставке. Мне кажется это верный шаг, потому что выставка - это такая же сброшенная кожа. Какое-то время растешь, изучаешь какие-то вещи, а потом запускаются загадочные механизмы и внезапно появляется выставка.

Кирилл Кто: А ты, кстати, знаешь, что 2013 год будет годом змей?

Евгений Антуфьев: Да, конечно, все магазины и киоски сейчас в змеях.

Кирилл Кто: Да тоже заметил. Меня какая-то женщина недавно начала обижать, а я ей сказал: не шипите, вы разве змея?

Евгений Антуфьев: То есть ты провел аналогию?

Кирилл Кто: Да, люблю аналогии. Кстати, в отличие от тебя не могу себе позволить настоящую змеиную кожу, поэтому, мне очень нравится искусственная. Можно же сказать, что искусственная кожа - аналогия настоящей? Потом еще с фальшивыми материалами интересно, что у них другие физические свойства. Мрамор ты не можешь гнуть, стекло тоже, в отличие от латекса или полиэтилена. Почти все искусственное легче в обработке, оно гораздо меньше сопротивляется.

Евгений Антуфьев: Это правда. Последний год работаю с деревом. Оно совершенно другое, у него структура очень сложная. Тань легко принимает нужную форму, а дерево сопротивляется, начинает трескаться, скалываться. Долгое время думал, что работа с ним невозможна без борьбы, без насилия над материалом. Но это оказалось не так.

Мне очень помогли видео с дельфинами, которые сейчас бесконечно смотрю. Дельфины идеально двигаются. У них стоит поучиться движению, рука с ножом должна двигаться так же плавно, как дельфин в воде. И дерево, в нем слои, которые тоже изгибаются в этом ритме, когда ты находишь это движение, все меняется. И дерево сразу становится довольно легким в обработке.

Кирилл Кто: Мне нравятся твои работы из дерева, особенно как ты красишь их алкидной краской, вот эти наплывы, наслоения, так раковины нарастают слой за слоем. Я сам эту краску не использую, она токсична, очень долго сохнет и сильный запах - начинает голова кружиться.

Евгений Антуфьев: Постоянно голова болит от нее!

Кирилл Кто: Я же тоже пробовал резать из дерева, но у меня ничего не получилось, оно слишком живое, слишком неконтролируемое. Искусственное все же ближе. Здесь мне очень близка идея, что ничего настоящего вокруг нас уже давно нет. С другой стороны, мне нравится идея производства и идея обмана: визуально ты ждешь одного, а тактильно получается совсем другое. Несовпадение ожиданий одного рецептора с другим.

Мне очень нравится индийские сумки с фактурной кожей. Еще нравится как фактура - женские блестящие сумки. У меня есть целая коробка сумок для расчленения: там лежат всякие дурацкие женские сумки с красивой фактурой: змея, крокодил, просто интересное тиснение. Эти сумки - они как женщины, такие же фальшивые...

Евгений Антуфьев: ?

Кирилл Кто: В принципе, женщина и сумка - это одно и то же.

Евгений Антуфьев: Довольно сомнительное заявление! Заметил, что граффити-субкультура как раз очень сексистская.

¹⁴ Кирилл Кто граффити художник, один из самых известных граффитистов в Москве. Не работает с галереями уже много лет предпочитая им пространство улицы.

Кирилл Кто: Это да, и гомофобная еще, но я ничего плохого не имел в виду. Женщина же она как сумка, например, из нее можно достать ребенка.

Евгений Антуфьев: Ты теперь оправдываешься, причем неубедительно.

Кирилл Кто: Про кожу, вспомнил, на меня сильно повлиял фильм «Интимный дневник», там главный герой сначала делает татуировки на своих любовницах, а потом срезает с них кожу.

Евгений Антуфьев: Не смотрел этот фильм. Завораживает расчленение, знаешь, странное ощущение, в последнее время могу гладить человека по руке, он думает, что это ласка, а я думаю уже про то, как буду снимать кожу, расчленять, просто намечаю, где и как. Звучит, конечно, жутко, но на самом деле это просто отголоски желания расчленить собственное тело. Причем исключительно в сознании, мне не нравится кровь и прочая телесность.

Но все мы проходим через какие-то такие травматические опыты. Например, у тебя, наверняка, есть ожоги от сигарет. Почти все пробуют прижигать себя.

Кирилл Кто: Я несколько раз вгонял строительный степлер в руку. Первый раз случайно, а второй специально, взял самые длинные скобы. Я кстати только вернулся из Владивостока, оставил там на память людям лапу тигра. Ты знаешь что это? Вилка раскаляется и прикладывается к коже, получается рисунок, как от удара когтями. Сделал девочке на плечо и мальчику на грудь.

Евгений Антуфьев: Я о таком даже не слышал.

Кирилл Кто: А если бы тебе попался труп человека и ты бы знал, что человек не против, чтобы его расчленили, стал бы это делать?

Евгений Антуфьев: На данный момент не вижу в этом никакого смысла. И очень зависит от того, какой это человек. Некрасивого, я бы точно не стал расчленять. Интересно, что в человеческих телах ищут маньяки? Это какой-то отблеск, свет, что то вроде жемчужного сгустка. Мне кажется, я испытывал подобное чувство при обработке звериных черепов.

Кирилл Кто: У меня был человеческий череп, я его в первом классе принес в школу. У подруги моей мамы был участок на месте кладбища, и пока построили дом, вырыли девять черепов, один подарили нам, и я везде стал с ним ходить. Череп ребенка. Потом через несколько лет бабушка решила что все беды в нашей семье от черепа и мы его пошли и зарыли.

Евгений Антуфьев: Правильно сделали. Такие вещи не стоит хранить. Человеческие черепа нечистые, и то, что похоронено должно оставаться в земле. Мой парикмахер недавно предложил обменять волчий череп на человеческий, но я отказался. Это кстати очень странно, так как я хожу в модную парикмахерскую, и это предложение неожиданно прозвучало. Я понял, что странные вещи притягиваются.

Кирилл Кто: А ты убивал животных?

Евгений Антуфьев: Конечно нет! Крайне отрицательно отношусь к убийствам. И никогда не стал бы никого убивать. Головы, которые забираю у охотников и очищаю - в ином случае оказались бы в мусоре. Их бросят собакам, следы зубов останутся на их поверхности, дождь, снег и солнце сделают их хрупкими, и они распадутся на куски. Но меня это пугает: время уничтожает объекты, превращает их в пыль. Это напоминает о распаде собственного тела.

Кирилл Кто: Ты свернул на свою любимую тему, разговор пора заканчивать.

Евгений Антуфьев: Странно, что наш разговор планировался об искусственной змеиной коже, а в результате, свернул к костям и человеческой коже. Меня поражает эта сложная смысловая конструкция: снять с живого существа кожу, чтобы завернуть в нее свое слабое неприспособленное к миру тело. А ведь вся одежда из кожи - она именно про это. В сказках хотя бы честнее: в кожу заворачивались оборотни, чтобы принять форму убитого существа. Вот если бы тебе дали выбор, снять кожу и завернуться в нее кого бы ты выбрал?

Кирилл Кто: Наверное, какое-нибудь морское существо, пахнущее солью и водорослями.

Дельфины... Дельфины – это я. Я уже не первый раз думаю, о том, что я, наверно, дельфин. Дельфины: жить, потом дышать. У них двойное дыхание. Поэтому они чувствуют два мира. Понятие «вода» - для них абстракция. Они могут дышать, как под водой, так и в небе. Единственное, что им нужно - это дыхание. Отсюда религия. Религия – это наше дыхание. Нам необходимо вдыхать религию. Но не с небес. Там уже нет ничего. Небеса опустошены. Там давно только бивни и поролон.

Чем же дышать? Тем, что есть на земле. Чем-то особенным. Тем, что наделяет силой. Чайковский сочинял, потом сказал: «я исписался». Бетховен тоже сказал: «все, исписался». У них был кризис. Пять лет Бетховен был в кризисе. А Чайковский – два года. А потом Чайковский написал «6 симфонию», самую свою великую. У всех писателей, композиторов - везде осмысленность кризиса. Его нужно пережить и дышать. Тогда потом они напишут свою великую симфонию. Все в жизни предрасположено к такой паузе. Я почему-то этого избежал. Ни одного кризиса не было. Потому что я дельфин, врожденный менестрель.

То, что было в начале – это самое главное. Начала независимы от своего будущего. Вот есть начало, ему плевать, что будет потом: согнут ли его, сделают ли из него дизайн или какую-нибудь декоративность. Наплевать, оно свое дело сделало. Оно создало что-то новое. Дикари - это были совершенные, абсолютные существа, они были началом. Потом: эволюция, развитие, но началу на это плевать, его не интересует будущее.

Я не знаю, сколько мне лет. Люди из интернета знают, а я нет. Может быть 14 , может быть 25. Но точно не 85. Я этого не чувствую. Любое творчество начинается с того, что перестаешь ощущать собственное тело.

Летаргический сон – это начало творчества. В летаргическом сне можно существовать, переворачиваться, ходить по комнате и не осознавать этого, и боли не чувствовать. Летаргический сон – это то, что делает рука, не ведая, что она делает, но греха при этом она никогда не сотворит. А вот ведающая, направляемая, рука, она на каждом шагу делает невнятность. Хоть бы грех делала, и то было бы ясно, а то ничего определенного.

Монолог Олега Каравайчука¹⁵ записанный Антоном Беловым 18 декабря 2012 года.

¹⁵ Олег Николаевич Каравайчук - человек-миф, полностью растворившийся в своей музыке, пианист, начавший карьеру в семь лет с концерта для Иосифа Сталина и выдавший на экзамене в консерватории собственную импровизацию за Баха. С 1953 года работает в кино, хотя сам утверждает, что начал работать в кино потому, что это было единственным его творчеством, которое не запрещало КГБ. Известен, как композитор написавший музыку более чем к ста пятидесяти фильмам. До 1990 года Каравайчук был известен только как композитор для кино и театра, его концерты запрещались, периодически преследовалась вся его семья, его сочинения изымались, до сих пор многие не выпущены и хранятся в архивах. Это привело к тому, что композитор начал вести закрытый образ жизни, который и ведёт до сих пор.